

## Глава 5

### ГРОЗА ГРОЗИТЬСЯ, А МЫ ДРУГ ЗА ДРУГА ДЕРЖИМСЯ!

январь–май 1943 г.



Новый, 1943-й, год отряд Храпко встретил в Зубаревичах, куда перебазировался накануне на зиму.

Теперь в отряде две роты. В первой командиром Митялин и политруком Дорогавцев; во второй – Василий Кучугура

и Петр Буянов.

В ротах по два взвода. А командиры взводов! Взять командира 1-го взвода Александра Шуева – участника почти всех предыдущих боёв отряда, или командира 4-го взвода Ивана Каменева, который, хотя и прибыл в отряд не так давно, но успел и на железке три эшелона спустить под откос и в засадах построчить немало фрицев. В общем, проверенные в боях люди.

По случаю Нового Года с небольшим концертом в здании школы выступила художественная самодеятельность отряда. После концерта, как и полагается, танцы.

Гармонист рванул меха, сделал перебор и заиграл плясовую.

– А ну, потеснись! Раздайся круг! – крикнул Ляпин и, выбивая частую дробь, приблизился к Марии Масюк и под переборы клавиш пропел:

*Моя милка маленька,  
Чуть побольше валенка.  
В лапки обуется,  
Как пузырь раздуется.*

Та отдала свой карабин Марии Болбас, с головы сдернула белую папаху, взмахнула ею и запорхала мотыльком, притопывая ногами, потом остановилась и пропела в ответ:

*А я маленька,  
Да удаленька.  
Пойду плясать,  
Завлеку всех ребят.*

Марию Масюк сменила Лида Маркова, новенькая, она только сегодня приняла присягу:

*Немец лютый, мародёр,  
Ввёл такой порядок:  
Грабят кур, гусей, свиней,  
Маленьких цыпляток.*

Старик, местный житель, вспомнил свою молодость, не вытерпел – протиснулся к середине круга.

– Куда ты, дед? Рассыпешься! – «заволновались» зрители.

– Старый конь борозды не испортит! – крикнул старик, затем топнул ногой и пошёл выписывать замысловатые, наверное, им же самим изобретенные, коленца:

*Эх, сыть, Матвей,  
Не жалеи лаптей...*

Годы его сказывались лишь в выкриках: «Ох-ох-ох!.. Эх-эх-эх!..»

Над селом спустились сумерки. Мягко падает пушистый снег. Люди нехотя покидают школу.

## ПАРТИЗАНСКАЯ БРИГАДА

Всякое бывало: били партизаны оккупантов и полицаяев, доводилось и самим под напором врага «исчезать». Но там, где соседние отряды выступали совместно, победа была гарантирована.

Что такое отряд Храпко? Это не только собственно отряд, но и пара – отряд Николая Храпко и отряд Устина Шваякова. Не было такой беды, когда не пришли бы они на помощь друг другу.

Но не только эта пара, рядом были и другие отряды. И не было случая, когда бы на призыв о помощи не поспешили все, к кому поступало обращение. То есть фактически существовало кровное содружество, единство двух, трёх и более отрядов. Само собой напрашивалось и формальное их объединение.

Такова жизнь! Как некогда количественный рост партизанских групп привёл в качественное оформление их в партизанские отряды, так и сейчас: пришло время – и отряды, где стихийно, а где по воле Центра стали объединяться в партизанские бригады.

В январе 1943 года из пяти отрядов, действовавших в Глуском районе – Храпко, Швайкава, Игумнова, Яковенко и Сезика – сформирована **«партизанская бригада»**.

От Козлова, из штаба партизанского соединения Минской области, прибыл бородатый капитан-окруженец, представился: «Ваш комбриг – *Коновалов Павел Михайлович*».

Автобиография комбрига:

*«О себе. Родился в 1906 году в деревне под Вологдой. В 15 лет стал комсомольцем, секретарем ячейки. В 18 лет избран председателем волостного комитета крестьянской взаимопомощи и проработал в этой должности четыре года – до призыва в Красную Армию в 1928 году. Войну встретил в должности командира танкового батальона. Батальон был окружен, с тяжёлыми боями пытался вырваться из окружения. Закончилось горючее, и я приказал машины подорвать. Теперь мой отряд танкистов стал бить фашистов из засад. Под Житковичами нас, около сотни бойцов, окружил батальон фашистов. В бою мы уничтожили около восьмидесяти человек. Я был ранен в ногу. Отстреливаясь, бойцы вынесли меня на самодельных носилках. От погони мы скрылись в болотистом лесу. Когда моя рана немного зажила, мы стали двигаться на запад и вскоре соединились с группой Николая Розова. До марта 1942 г. я был командиром отряда, затем начальником штаба партизанского соединения Минской области. И вот новое назначение – командовать бригадой».*

В «бригаде Коновалова» около 1000 бойцов. На вооружении – 2 пушки, 2 танкетки, несколько миномётов, более 30 пулемётов, есть противотанковые ружья, автоматы, винтовки.

Создать из разрозненных отрядов и групп бригаду – дело не простое. Ведь командиры отрядов до сих пор *самостоятельно* выбирали такой способ ведения борьбы, который, как им казалось, больше подходил к создавшейся обстановке. Теперь свои действия им надо будет *согласовывать* с комбригом.

Первым делом комбриг Коновалов создал взвод бригадной разведки: отобрал из каждого отряда самых отважных партизан и приказал направить их в его распоряжение *«с полным вооружением, лошадьми, седлами и продуктами на десять дней»*. Затем

распорядился о создании в каждом отряде диверсионно-подрывных групп.

В отряде Храпко создать подрывную группу – нет проблем! Собрали тех, кто уже был известен как хороший подрывник-диверсант.<sup>1</sup> Все они были бойцами из разных подразделений и должны были повседневно там и оставаться до момента получения сигнала о сборе для выполнения спецзаданий.

При встрече друг с другом отряды, или их боевые группы, пользовались единым паролем. Командир знал «число-пароль», которое менялось ежедневно. Бывает, идет группа бойцов отряда на задание. И вдруг метрах в двухстах-трехстах замечают какую-то неизвестную группу. Как узнать: свои они или чужие? Командир группы поднимает и опускает автомат над головой, например, шесть раз. Там, далече, кто-то должен сделать подобные движения, но уже четыре раза. Ибо число-пароль на этот день «10» ... Но бывало, *те* партизаны – свои, или из соседнего отряда, а пароля не знают, ибо вот уже пять, а то и более, суток как не были в отряде, и теперь возвращаются. Тут уже срабатывает партизанская интуиция: «Мы их, бобиков да немцев переодетых, по запаху чуем!» Конечно, поволнуются...

В феврале 1943 пришла радостная, вдохновляющая весть: Красная Армия разгромила окруженную немецкую группировку под Сталинградом. Подпольщики и партизаны немедленно сообщили об этом населению.

Если победа под Москвой вселила надежду, то успех Красной Армии на Волге вселил в сердца населения веру в скорое освобождение оккупированной земли от коричневой чумы. Даже те, кто пытался отсиживаться, выжидая, поняли: фашистская Германия не сможет выиграть войну. И стали «слезать с печи».

Многие парни, избегая немецкой мобилизации, шли в партизаны. Бывало такое: идет отряд по лесной тропе, и вдруг из кустов выскакивают парни (иногда и в форме полицаяев), просят взять их в отряд.

---

<sup>1</sup> Состав первой подрывной группы отряда: Шпрыгов (командир группы), Голуб, Гульбис, Дроздов, Дыбенко, Каменев, Катков, Коломиец, Родион Крюк, Кульба, Кухта, Леденев, Новиков, Носов, Раков, Селезнев, Самородин, Тасминский, Фалецкий, Филиппович.

Из деревни Козаково пришли руководитель подпольной группы Исай Осипович Колпаков с женой, дочерью Марией и сыном Петром.

Как нельзя вычерпать озеро, к которому текут подземные реки, так и не могли немцы совладать с партизанами, хотя бы потому, что была у них «тайная армия» в деревнях и городах.

### **Смягчающие обстоятельства**

Расстрел – это высшая мера наказания. В отряде расстреливали за невыполнение приказа командира, дезертирство, предательство и мародерство. Правда, в случаях мародёрства учитывались различные «смягчающие обстоятельства». Например, то, что всем отрядом съели «награбленное» – остро нуждались, значит. Вот как в этом случае.

*Сов. Секретно*

### **Сообщение от Н.**

*1. Партизан Белячек<sup>2</sup>, будучи в деревне Рыловичи занимался мародерством. Например: взял сибирскую куницу, золотое кольцо у гр-ки Перегод Антонины. У гр-ки Тарасевич Арины взято шесть штук наволочек, одна капя и зелёный пояс у гр-на Лузина Ивана.*

*Также взяты вещи у гр-на Лазана Платона, который из-за угроз не говорит, что взято, а упоминает только арбузные семечки 5-6 кгф. Знает об этом тов. Гутковский.*

*2. Будучи в разведке в дер. Жуковичи, разведчиками бригады взято 5 штук овец, 7 штук гусей, 3 пуда гречневой муки. Участники: Лазарев, Федюк, Варфоломеев, и др. партизаны, которые из отряда Яковенки переведены в бригадную разведку.*

*2.2.1943. Принял (подпись) Виноградов<sup>3</sup>*

Комиссар Голодов, пригрозив расстрелом, заставил бойца «Белячека» вернуть куницу и золотое кольцо Антонине Перегод. А также шесть штук наволочек, одну капю и пояс – Ивану Лузину.

С овцами, гусями и гречневой крупой, что отняли бригадные разведчики у жителей деревни, было сложнее. Всё это уже съели – всем отрядом! И потому отнёс разведчик Андрей Лазарев жителям деревни Жуковичи взамен не-

---

<sup>2</sup> Автор «сообщения» неточен. Партизана с фамилией Белячек в бригаде не было. Вероятно, имеется в виду Белечков Михаил.

<sup>3</sup> НАРБ, ф. 1405, оп. 1, л. 277, л.22.

сколько килограммов соли. И, конечно, просил прощения. А комиссар Голодов проверил!

### В ОТРЯДЕ ЕСТЬ ПРЕДАТЕЛЬ!

Командование отряда не забывало о бдительности: немцы обязательно постараются заслать в отряд своего человека. Только за 1942 год бобруйским гестапо в ближайшие партизанские отряды было направлено 72 шпиона и диверсанта (из них 38 женщин), окончивших специальные диверсионные школы и курсы.

Гестапо установило своим агентам цены: за каждого убитого партизанского командира и комиссара – 10 тысяч марок, за командира взвода – до 3-х тысяч.

Но ни один диверсант не вернулся за вознаграждением. Благодаря партизанской контрразведке, они своевременно разоблачались и, пойманные с поличным, признавались о полученном задании гестапо. Все они получили «по заслугам».

Действовали оккупанты и под видом партизан, устраивая засады на дорогах, ведущих в штаб Минского партизанского соединения (выше рассказывалось об одной из таких засад в июле 1942 г. на комиссара Голодова.)

Диверсантов как изменников Родины партизаны приговаривали к высшей мере наказания. Так, в архиве я обнаружил признание комбрига Коновалова (7-го июня 1943 г., в беседе с майором НКВД): *«Было много случаев разоблачения немецких агентов. Я сам расстрелял двенадцать человек»*.<sup>4</sup>

Партизанская контрразведка также не дремала. В Бобруйске и Глуске, в крупных деревнях действовали подпольные группы (даже в бобруйское гестапо удалось пристроить машинисткой своего человека), доставлявшие партизанам информацию о каждом изменении в настроении и дислокации вражеских подразделений.

Так что, находясь в лесу, командование бригады всё же имело свои «глаза и уши» в городах и весях, в гестапо и в немецко-полицейских гарнизонах.

Августовская 1942-го года блокада отряда в Козловичском лесу, неудачный бой отряда с брожским гарнизоном в декабре

---

<sup>4</sup> НАРБ, ф.3500, оп.4, д.159, л.26.

– эти события чекист отряда Леонид Виноградов увязывал во-едино – есть в отряде кто-то, кто информирует немцев. Внедрённый шпион или «свой» предатель. Кто он?

Предупреждение Максима Болбаса о том, что в отряде Храпко немцы имеют *своего* человека, лишь подстегнуло Виноградова: надо срочно принимать меры, но какие?

А недавно от связного, работавшего у немцев переводчиком, Виноградов получил сообщение, что ещё *в прошлом году в Броже немцы схватили какого-то партизана и завербовали его*. После наведения различных справок через свою агентуру Виноградов (а он теперь вёл бригадную контрразведку) пришёл к выводу, что речь шла о *предателе в отряде Храпко*. Вот только как отличить его?.. «А что если захватить «языка» из брожских полицаев?!»

И как только Виноградов узнал от Ануфриенко, связного из Брожи, что *брожские* и орсичские полицаи часто берут сено из стогов на лугу недалеко от Орсич, так сразу же направил туда самых лихих и ловких партизан, хорошо знающих местные условия: Савелия Тарасова (командир группы), Ивана Макейчика, Сергея Коршака, Ивана Варивончика, Ивана Никитко и Максима Болбаса. С задачей: во что бы то ни стало привести «языка»!

У саней на краю леса недалеко от Орсич остались Максим Болбас и Сергей Коршак. Остальные парни – Тарасов, Варивончик, Макейчик и Никитко – вышли на дорогу, стали всматриваться в очертания деревни. И, наконец, дождалось: из деревни выехали сани.

Тарасов узнал лошадь начальника Орсичской полиции Шаха и того, кто ею управлял, – двоюродного брата начальника полиции, «сволочь изрядную», Сергея Никитко.

Когда сани поравнялись с засадой (в белых маскхалатах партизан трудно было заметить), один из партизан остановил лошадь, остальные бросились к саням, сбросили с них дрова, и приказали Сергею Никитко править туда, куда они укажут.

Подъехали к месту, где оставили Максима Болбаса и Сергея Коршака. А те, оказалось, также задержали ещё одни сани, на которых приехали три человека за сеном. Одного, паренька лет пятнадцати, Максим отпустил домой. Двоих, Васи-

лия Рудько из Орсич и Ничипора Никитко, связали, усадили в сани.

Но только тронулись, как из леса на луг, наперерез партизанам, стали выезжать несколько саней с полицаями. Их, как позже выяснилось, привел тот самый парнишка, которого отпустил Максим Болбас. Завязалась перестрелка.

Полицаи проявили нерешительность: не знали, с какими силами партизан они имеют дело, и это позволило группе Тарасова оторваться от преследователей.

В лагере бойцы отряда рассматривали увязанных на санях полицаев – Сергея Никитко, Василия Рудько и Ничипора Никитко. Узнав Сергея Никитко, плевались:

– Ну, что, допрыгался, ирод?! Уж очень много бед от тебя людям. Тьфу на тебя!

Тот вздрагивал, вобрав голову в плечи...

Полицаев увели в штаб.

Виноградова больше всего интересовал родственник начальника полиции Сергей Никитко: он мог что-нибудь знать о предателе в отряде. И потому партизанский чекист сразу же приступил к допросу этого человека.

Никитко, поняв, что жизнь висит на волоске, не стал упираться, признался: да, я неоднократно принимал участие в боях против партизан.

Но не это интересовало партизанского чекиста.

– Кто сообщает немцам и полицаям брожского гарнизона о партизанах?

– Знаю, что *есть такой человек*. Но кто – не знаю.

Были допрошены и остальные.

Ничипор Никитко показал:

*«Однажды в Орсичи нагрянули немцы с полицаями. Они согнали всех мужчин на сходку. Офицер объявил, что мы должны вступить в полицию, в случае отказа – смерть. На раздумывание не дали и минуты, решать нужно было тут же. Как поступить? И мы пошли на службу к немцам. Начальником полиции немцы поставили некоего Ткаченко, которого они привезли с собой. Затем немцы уехали, оставив наводить «новый порядок» служак-полицаев, у которых руки уже были замараны кровью людей... Я лично никого не грабил, не арестовывал, не истязал, не убивал и против партизан оружия не применял. Прошу вас*

*принять меня в партизаны. Дайте в бою смыть свой позор... О предателе из партизан я ничего не знаю».*

Василий Рудько показал:

*«От службы в полиции меня не спасла даже болезнь. Мои односельчане не по своей воле взяли оружие против своей родины. Не только над ними, но и над их семьями нависла реальная угроза расправы... Отдельные полицейши, у кого руки уже в крови наших людей, стараются повязать с собой и тех, кто ещё не стал отъявленным подонком... Многие полицейские готовы с оружием перейти к партизанам, но боятся, что фашисты могут погубить их семьи. Сейчас в полицейском участке насчитывается семьдесят человек. Если от меня нужна помощь, я готов всё выполнить... О предателе из партизан я ничего не знаю».*

Военный совет отряда приговорил Сергея Никитку к расстрелу. Ничипора Никитку зачислили в отряд.

А Василий Рудько получил особое задание от Храпко: поступить в полицию Орши, и подготовить полицейских к переходу с оружием к партизанам, и рано утром, «никем не замеченный», покинул лагерь.

По отряду прошел слух: «Полицай Василий Рудько сбежал!»

## РАЗВЕДЧИК ВАСИЛИЙ КУЧУГУРА

Если Виноградов все силы сосредоточил на контрразведывательной работе, оберегая отряд от проникновения в него врага, то заместитель командира отряда по разведке Василий Кучугура командовал «невидимой армией», работавшей в логове врага.

Высокий, тонкий; брови сросшиеся, чёрные. Здоровается одной улыбкой, скупой и короткой. Даже улыбается исподлобья. Мрачно-замкнутый. Чудится в таких какая-то особенная сила.

Лейтенант Василий Леонтьевич Кучугура войну встретил командиром пулемётного взвода под Минском. В неравном бою полегло много бойцов взвода. Кучугура с остальными бойцами сражались до последнего патрона и были взяты в плен.

Лагерь размещался в поле на берегу Свислочи. Ограждение из двух рядов колючей проволоки, без пулемётных вышек. Кучугура бежал из лагеря. Дошел до станции Мирадино, но там натолкнулся

на немецкий заслон, был схвачен и доставлен в бобруйский концлагерь.

В лагерь явились два немецких офицера и отобрали тридцать пленных, имевших специальность слесаря и токаря. В эту группу попал и Кучугура. Под конвоем привели в поселок Кисловичи, в мастерскую по ремонту подбитых танков, бронетранспортеров, тягачей и огнестрельного оружия.

Через пару недель Кучугура создал в мастерской подпольную группу.<sup>5</sup> И стали приходить в негодность сверлильные, фрезерные и токарные станки. Затягивался ремонт техники.

Однажды, когда Кучугура приводил в непригодность электромотор, за его спиной вдруг раздалось: «Плохая конспирация, Василий!»

Оказалось, что мастер цеха, Михаил Григорьевич Баглай, был руководителем группы бобруйских подпольщиков.

Так состоялось подключение группы Кучугуры к группе Баглая.

В январе сорок второго Баглая оккупанты отстранили от работы. И было за что: к тому времени подпольщики вывели из строя двенадцать бронетранспортеров, пятнадцать электромоторов, восемь тягачей, уничтожили значительную часть дорогостоящих приборов к танкам и инструментов, похитили чешский станковый пулемёт (с ним Кучугура впоследствии никогда не расставался), снайперскую винтовку, пять карабинов и много патронов.

Вместо Баглая работами руководит махровый гитлеровец.

Военнопленных охраняли слабо. Слабо охранялся и двор мастерских, ночью он не освещался.

Однажды вечером, когда разгулялась снежная буря и видимость была плохая, Кучугура вывел группу в коридор казармы. Когда часовой, подпрыгивая для согрева, скрылся за углом забора, группа быстро скрылась в темноте... Двинулись к поселку Дедново, где проживал Баглай. Взяли спрятанное у Баглая оружие и к утру прибыли на хутор Колбик, в отряд Храпко.

Кучугуру вскоре назначили командиром взвода разведки, а позже – заместителем командира отряда по разведке.

Очень многих связных в деревнях, подпольщиков и «полцаев» знал Кучугура. Сам ходил на встречи с ними. Погибни этот человек, и судьбы многих партизанских разведчиков оказались бы трагическими – попробуй потом, после войны, докажи, что ты служил в полиции именно по заданию партизан.

---

<sup>5</sup> В эту группу входили: Константин Перельгин, Борис Корн, Иван Петров, Евгений Саенков, Иван Мисьев и Михаил Кольтракт.

Боевые операции с участием Кучугуры были всегда тщательно отработанными и оригинальными по замыслу. О некоторых из них у меня есть материал из воспоминаний участников событий.

### **«Полицаи»-подпольщики**

Глуша – городской поселок, что стоит на «варшавке» в 25 километрах западнее Бобруйска.

Братьев Михаила и Василия Коваленко, парней из Глуши, немцы заставили служить в полиции. Через партизанских связных братья обратились к Храпко с просьбой взять их и ещё нескольких таких же «полицаев» в отряд. Из отряда ответили, что они, братья, сейчас там, в полиции, очень нужны и передали своим новым подпольщикам пароли для связи.

Однажды Михаил Коваленко подложил под дверь кабинета коменданта Глушанского немецкого гарнизона выписку из совершенно секретного немецкого документа «Боевое наставление по борьбе с партизанским движением на Востоке». (Этот документ «раздобыли» подпольщики, обслуживавшие один из отрядов Осиповичского района.) Наутро документ обнаружили. Переполох. Ещё бы! Документ, с которым знакомились лишь высшие чины немецкой армии, – валяется на полу, на виду у всех! Такое сделать могли только подпольщики или партизаны через своих людей, которые работают внутри немецкого и полицейского гарнизона! Вызвали из Бобруйска специалистов с собаками. Построили полицаев, персонал, обслуживающий здание, а также всех лиц, приходивших накануне. Собаки стали обнюхивать.

За всем этим следила из окна своего дома Адамович Анна Митрофановна. Она знала, чья это работа, ибо сама и передала Михаилу документ.

*«Состояние мое было жуткое – боязнь за Коваленко, – написала в своих воспоминаниях Анна Митрофановна. – II представьте, собаки ни на ком не остановили свой нюх».*<sup>6</sup>

Как-то в полицию кто-то донёс, что партизаны приедут за мукой на мельницу в такую-то деревню недалеко от Глуши. Полицаи устроили засаду, но Михаил через Анну Митрофановну успел предупредить партизан...

---

<sup>6</sup> Анна Адамович. И так было каждый день. «Неман», № 10, 1999.

### **Нападение на комендатуру**

Поздно вечером 6-го января 1943 г. взвод Василия Кучугуры незаметно подошел к Глуше. Несколько в стороне его уже поджидали Михаил Коваленко и переводчик комендатуры Федор Шелков.

Дмитрий Дроздов, Николай Фалецкий и Федор Шелков пошли к комендатуре. Ещё троих бойцов Кучугура оставил неподалеку, в засаде.

Шелков постучал в дверь и по-немецки сказал: мол, вам от коменданта пакет. Офицер, узнав голос своего переводчика, открыл дверь. Бойцы набросились на офицера...

Шелков постучал в дверь ко второму офицеру: вас, мол, господин офицер, срочно вызывает комендант, и дал двух солдат для вашего сопровождения. Офицер отпирает дверь – бойцы врываются. Шелков объявляет: мы – партизаны. В ужасе немец упал, забился от дрожи. Шелков скомандовал: быстро обувайся. Обуться тот никак не может. Тогда партизаны сами его обули и повели.

В итоге в отряд были доставлены один немецкий офицер, станковый пулемёт, 1200 патронов, 4 винтовки и радиоприемник.

На следующее утро в Глуше происходили повальные, но безрезультатные обыски. В них большое рвение проявили «полицай» Михаил Коваленко и переводчик комендатуры Федор Шелков.

### **Разгром глушанского гарнизона**

Благодаря Михаилу Коваленко была успешно проведена операция по разгрому глушанской полиции.

Готовясь к операции, Михаил, к тому времени назначенный командиром взвода полиции, проявил «инициативу»: организовал «общезитие для господ полицейских». Из дома-общезития, стоявшего близко к лесу, по замыслу Михаила можно незаметно увести полицейских и унести оружие.

Теперь дело было за датой проведения операции. Начало назначили на 21 час 3-го марта 1943 г. – в это время будут проходить торжества «в честь невесты коменданта немецкого гарнизона Глуши» подпольщицы Яди. Дело в том, что Ядя склонила коменданта, ухаживавшего за ней, к переходу к партизанам (после поражений фашистских войск под Сталинградом офицер, наконец, решился). Бал должен состояться в доме пар-

тизанского связного, находящегося на окраине деревни у самого леса, и куда уже Ядя перебралась. На бал приглашен весь командный состав немецко-полицейского гарнизона.

Операция эта была задумана Кучугурой. В штабе отряда Храпко её продумали во всех возможных вариантах, в том числе, *«если немцы устраивают ловушку и заманивают нас в нее»*. Предусмотрели повреждение линии связи со стороны Бобруйска, Слуцка и Глуска. В эти направления посланы группы для устройства засад на шоссе: на случай, если немцы бросят сюда подкрепление или карателей. Подтянуты силы партизан и к самому гарнизону. Установлен сигнал к бою...

В «общезитии» ночевали полицейские, непричастные к подполью. «Полицейские-подпольщики» были в карауле и патрулях, а начальником караула был... Михаил Коваленко!

Когда немцы хорошо напились, и торжество было в самом разгаре, командир отряда Храпко и командир роты Царик с группой партизан вошли в дом и скомандовали: «Руки вверх! Сдавайтесь! Вы окружены, сопротивление бесполезно!»

Другая группа захвата без шума вошла в общежитие, где ночевали полицейские, и так же без шума увела всех полицейских. Попластунски поползли полицейские под охраной партизан за пределы Глуши. Было унесено всё личное оружие полицейских и боезапасы.

А вот в караулке, что около моста через реку, всё-таки пришлось вступить в бой, в котором погиб Федор Шелков.

Вот как это там происходило.

К мосту пошёл взвод Василия Кучугуры. В лесу, недалеко от моста, партизан ждал «полицай» Василий Коваленко, брат Михаила. Василий доложил: на посту у караулки стоит с пулемётом «свой человек», в самом караульном помещении, возле телефона, сидит дежурный немец (он каждые двадцать минут делает обход вокруг караулки), но... напротив немца сидит также «свой человек».

Кучугура поставил задачу Шелкову и Дроздову: ворваться в караулку и уничтожить отдыхающие смены караула.

Василий Коваленко, Дроздов и Шелков подходят к караулке, останавливаются возле поста, где стоит «наш человек» с пулемётом. Всё спокойно. Затем также втроем входят в караулку. Дроздов и Шелков остаются в темном коридорчике. Василий Коваленко входит в помещение, подает знак «своему», сидящему напротив немца, чтобы тот был наготове, и выходит во

двор, приближается к полицаяу, ходящему вокруг караулки, и выстрелом из пистолета уничтожает его.

Услыхав выстрел, связной в помещении, как и планировалось, выстрелил в немца, что сидел перед ним, и тут же выскочил во двор. В помещение вбежал Шелков с автоматом. Но один из полицаяев успел добраться до пирамиды с оружием. Шелков успел дать две очереди по нарам и упал, сражённый выстрелом полицая... Увидев, что Шелков погиб, Дроздов бросил гранату в помещение.

Было уничтожено восемь охранников и захвачен ручной пулемёт.

Спешно покидая Глушпу, партизаны взяли со склада стекольного завода большой запас соли, в которой и в отряде и сельчане очень нуждались. И, наконец, подложили под трубу заводской котельной мину замедленного действия, которая сработала на следующий день.

Впереди партизанского обоза шли под охраной караула двадцать три пленных полицая.

С рассветом обоз стали искать самолёты со свастикой. Обнаруживая, бомбили лес и поле. И так почти весь день.

Вернувшись с глушанской операции, бойцы с трудом узнали свою базу. Те же самолёты, что преследовали и бомбили отряд при его возвращении из Глуши, бомбили и деревни Зубаревичи и Зеленковичи – базу отряда. В Зубаревичах взрывами разбросано много изб, но большинство жителей обитало в лесу в землянках и потому не пострадали. Погибли двое жителей деревни и тяжело ранен радист бригады Евгений Саенков.

Семьи глушанских подпольщиков, которым после всего, что случилось, оставаться было равносильно гибели, под охраной партизан пошли в гражданский лагерь партизан в деревне Малын. А в

#### Командный состав отряда

(на 5. 04. 1943 г.)

Командир отряда – Храпко Н.Б.  
Комиссар отряда – мл. политрук Голодов В.Е.  
Начальник штаба – л-нт Сыроквашин С.В.  
Начальник особого отдела – л-нт Виноградов Л. Ф.  
Командир взвода разведки – воентехник Линчук М.С.  
Командир 1-го взвода – ст. л-нт Митялин В.П.  
Командир 2-го взвода – мл. л-нт Царик М.К.  
Командир 3-го взвода – Щербич В.А.  
Командир 4-го взвода – л-нт Кучугура В.А.

отряд придёт пополнение: братья Коваленко<sup>7</sup> и Адамовичи, мать и двое сыновей. Они принесут присягу и станут бойцами отряда.

Командование отряда, дабы отвести «гнев» оккупантов от жителей Зубаревич и Зеленкович, приняло решение перенести лагерь отряда подальше – в район станции Мошны.

### «ОБЩАЯ» БЕСЕДА

Комиссар Голодов часто собирал политруков рот на общие беседы. На этот раз собрались обсудить вопросы: о партийном и комсомольском влиянии на молодежь отряда; о положении крестьян в деревнях партизанской зоны и за её пределами.

– Даже в мирной жизни, – начал Голодов, – молодёжная компания выделяется своим максимализмом. А в военной, когда жизнь человека под ежечасной угрозой, этот максимализм и вовсе на переднем плане. Хорошо, если молодая поросль окружена зрелыми людьми. Хорошо, если молодые парни воюют на своей территории – там, где родились, где чувствуют связь с каждой деревней, с людьми, которые там живут. Всё это – факторы, ограничивающие максимализм молодости. Но очень плохо, если молодые парни обходятся без воспитывающего «надзора» старших, без личной ответственности за жизнь и безопасность окружающих их людей. Алкоголь, который при этом иногда являлся спутником таких партизан, лишь усугубляет проблемы. В общем, товарищи комиссары, с молодёжью надо работать...»

Голодов перешел к «крестьянскому» вопросу:

– Нам сейчас очень важна поддержка крестьян. Гитлеровцы умело воспользовались стремлением крестьян к получению земли в частную собственность и пошли им в этом вопросе «навстречу» – стали передавать землю в частную собственность. *(Голодов прочитал политрукам декларацию министра оккупированных восточных земель Розенберга от 3 июня 1943 г. – о наделении крестьян землей.)* Всех желающих собирают в отдельные «военные поселения» и «полицейские деревни». Но, обратите

---

<sup>7</sup> Михаил Коваленко будет командиром отделения, командиром взвода. Он участвовал почти во всех последующих боях отряда. Когда освободили родные края, Михаилу предложили работать в милиции. Отказался: «Пойду на фронт мстить за всех убитых и сожженных родных». Отомстил врагу сполна и погиб – в Берлине.

внимание, все эти «поселения» и «деревни» создаются только на стратегически важных для немецкой армии направлениях. Спасаясь от партизан, жители «полицейских деревень», получившие землю взамен на согласие воевать на стороне немцев, вынуждены теперь ходить за плугом вооруженными – с винтовкой через плечо. Некоторые – с неохотой, но немало и таких, кто стал активно бороться с нами, партизанами... А это не что иное как моменты гражданской войны. Вот этого допустить нельзя... Одним насильем мы не заставим мужика верить и помогать нам. Нужно открывать людям истинные намерения немцев. Но, главное (!), мужик будет следить за развитием событий на фронте. Будет Красная Армия побеждать – будет и мужик сговорчивей. Правда, всё равно его будет волновать послевоенная судьба колхозов. Нам надо успокаивать селян: после войны всё будет по-иному. Лично я хотел бы, чтобы это было так. Да и *почти* уверен, что так и будет... А чтобы Красная Армия поскорее победила врага, нам, партизанам, надо ещё более активно действовать.

## РАЗГРОМ БРОЖСКОГО ГАРНИЗОНА

С поста сообщили, что из Ратмирович прибыл парнишка Володя Сакович, и настаивает провести сразу к командиру отряда: мол, у него есть для командира важное сообщение.

В штабной избе находились Храпко, Голодов, Виноградов и комбриг Коновалов.

– Здравствуйте! – обратился Володя к Храпко, которого хорошо знал как своего дальнего родственника. – Меня Конон Фомич прислали к вам. *Они* сказали: *«завтра утром немцы из Брожси придут в Ратмировичи»*.

Итак, брожский гарнизон идёт на прочесывание ближайшего леса и разграбление Ратмирович. И... покинет свои стены, которые его защищали при предыдущей, декабрьской, стычке. Вот теперь можно расквитаться!

– Встретим противника из засад, – принял решение командир бригады Коновалов. – Готовьте план операции. Я пойду с вами.

Храпко поручил Сыроквашину разработать план операции и подготовить к ней людей.

Отряд вышел, когда над Зубаревичами стали спускаться вечерние сумерки. Идти трудно: снегом замело дороги. И метель всё ещё не утихает. Сердитый ветер закручивает в своей пляске снег.

Володя Сакович идёт вместе с двоюродным братом Николаем Назаровичем Саковичем – высоким, стройным, красивым и жизнерадостным (его сестра – жена командира отряда). Сзади их идёт Николай Антонович Сакович. В отряде придумали, как различать этих Саковичей: «Николай Сакович Первый» и «Николай Сакович Второй».

Поздним вечером отряд вошёл в Ратмировичи. В деревне ещё не спали: светились окна, где-то лаяла собака.

Расставив часовых, партизаны, по указанию командира, разошлись по хатам.

Храпко, Голодов, Сыроквашин и Коновалов зашли к Конону Фомичу.

– Расскажи, когда и от кого узнал, что сюда нагрянут немцы?

– Сегодня рано утром. Когда ещё не было метели. Я пошёл в Слободку, чтобы узнать, работает ли мельница. Там встретил дружка – Григория Ануфриенко. Он-то и сказал мне... Я тотчас поспешил домой, чтобы затем отправиться в отряд и сообщить вам. Но тут, как назло, налетела метель, и я изрядно промёрз. Почувствовав, что заболел, послал Володю.

– Конон Фомич, как ты думаешь, по какой дороге пойдут немцы с полицией?

– Ну, кто их знает-ведает! – пожал плечами Конон Фомич. – Куда пойдут эти басурманы?.. Могут пойти дорогой, что тянется через лес, а могут... по насыпи бывшей железной дороги.

– Вот и гадай, где делать засаду, – проворчал Храпко, когда Конон Фомич вышел.

– Устроим засаду в обоих местах, – тихо, но с уверенностью в правильности своего предложения проговорил Сыроквашин.

– Я вполне согласен с Сыроквашиным, – поддержал комбриг Коновалов. – Противника надо ждать везде, где он сможет явить себя.

Всю ночь Храпко не мог сомкнуть глаз: в голову лезли всякие мысли. Не мог забыть декабрьское поражение от брожского гарнизона. Теперь этот гарнизон идёт в Ратмировичи.

«Судьба предоставляет возможность отомстить за поражение. А вдруг это ловушка?.. Нет, они не пойдут в такую погоду».

Храпко нервно вышагивал от стола к порогу, от порога к столу... Подошёл к окну, прислушался. Тихо. Метель успокоилась. Посмотрел на часы: до рассвета оставалось полтора часа. Разбудил Сыроквашина.

Взвод Митялина с Храпко и Сыроквашиним направился устраивать засаду у насыпи. Взвод Кучугуры с комбригом Коноваловым и комиссаром Голодовым – засаду на окраине деревни у лесной дороги.

Пулемётчик Федюк устроился на чердаке в крайней хате: отсюда хорошо было вести наблюдение за противником и вести обстрел.

Партизаны затаились, ждут.

Наступило ясное утро. Солнце бросает на землю золотые лучи. А сведений о брожском гарнизоне всё нет.

Но вот прискакал разведчик Пелагейко и доложил комбригу: немцы и полицаи в белых масках на лыжах по лесной дороге идут в направлении Ратмирович.

В сторону леса, откуда должны появиться каратели, направлены пулемёты, автоматы и винтовки. Но пока себя обнаруживать нельзя.

Прошло ещё несколько минут, и из леса выползла колонна противника, до неё около двухсот метров.

Партизаны к бою готовы.

Каратели, пройдя ещё немного, стали цепью разбегаться в обе стороны от дороги с расчетом окружить деревню. Это обычная тактика карателей и полицаев.

Нельзя было давать противнику развернуться, и партизаны открыли огонь.

Комбриг Коновалов стоял у угла крайней хаты – следил за ходом боя. Он был доволен работой пулемётчиков Миронова и Федюка: парни за минуту уложили около десятка полицаев и заставили цепь залечь.

– Так их, хлопцы! Так их, гадов! – кричал Коновалов, заражаясь боем, и посылал очередь за очередью из автомата.

Интенсивный огонь партизан привёл немцев и полицаев в смятение: они не ожидали встретить здесь, в Ратмировичах, засаду. Залегли, открыли ответный огонь...

Дважды поднимался противник в атаку, и дважды партизаны своим огнём прижимали его к земле.

Полиции подтащили и устанавливают миномет.

Однако миномёт ещё не успел выпустить ни одной мины, как с правого фланга раздалось дружное «ура». Это на помощь пришел взвод Митялина, который поджидал противника у железнодорожной насыпи.

Не выдержав партизанского напора, каратели, прикрываясь беспорядочным огнем, стали отходить, унося раненых.

Бой окончен. Брожский гарнизон разбит. Отряд отомстил за своё поражение в декабре сорок второго, за своего любимца Бориса Корна.

## В ОТРЯДЕ ПОПОЛНЕНИЕ

В частях РОА<sup>8</sup>, что стояли в Бобруйске, было немало солдат и офицеров, кто искал возможность перейти к партизанам. Храпко поручил подпольщикам выявлять таких людей и, тщательно проверив, приводить в отряд.

Аркадий Касаткин, офицер Красной Армии, попав в плен, умирая с голода, вступил в РОА. Однажды Касаткин по служебным делам прибыл на несколько дней в деревню Устерхи. А там недавно побывали партизаны-храпковцы, и хозяйка дома, где остановился Касаткин, заметив раздумья гостя, стала нахваливать партизан и, в частности, Сыроквашина, начальника штаба отряда – за культурное и душевное отношение к людям. Фамилия эта показалась знакомой Касаткину. Уж не тот ли Сыроквашин, с которым он в 1939 году окончил Минское военное училище? Написал записку Сыроквашину, в которой рассказал о своих мытарствах и о том, что намеревается, полу-

---

<sup>8</sup> Генерал А.А.Власов, попавший в плен к немцам, возглавил там «Комитет освобождения народов России» и «Русскую освободительную армию» – РОА, составленную из советских военнопленных (её офицеры и солдаты назывались «власовцами»). В книге «власовцы» заменены словом «добровольцы» – общим термином для всех формирований, добровольно служивших у фашистов и широко применявшимся в годы оккупации. – **А.Т.**

чив оружие у немцев, при первом же удобном случае перейти на сторону партизан. Хозяйка передала записку адресату, и вскоре Касаткин получил ответ. Сыроквашин писал, что помнит его, Касаткина, по училищу и предлагает встретиться в лесу у деревни Устерхи...

Встретились. И через некоторое время Касаткин и ещё сорок пять военнослужащих РОА перешли к партизанам, прихватив с собой 3 ручных пулемёта и 1 станковый. Новичков распределили по отрядам бригады. (Разумеется, хорошенько проверяли.) На личном счету Касаткина, а он стал бойцом отряда Сезика (им. Чапаева), было более 15 эшелонов. На подрывной операции отважный партизан и погиб.

А вот как попали в отряд сразу два военных врача-хирурга. До сих пор медикаментами отряд снабжала Вера Романович, работавшая фармацевтом в аптеке Бобруйска. Она же и сообщила подпольщику Евгению Саковичу, что два старших лейтенанта РОА, врачи-хирурги, хотят уйти к партизанам. Тот об этом доложил руководителю подпольной группы Баглаю, Баглай – в отряд Храпко.

Вскоре Сакович получил задание: проверить этих людей, и если всё в порядке, привести в отряд.

Сакович познакомился с офицерами – Сорокоумовым Анатолием Ивановичем и Мышкиным Иваном Егоровичем, передал им задание командования отряда прихватить с собой как можно больше медикаментов и хирургических инструментов и придти на такое-то место в такое-то время.

На встречу офицеры вовремя не пришли, и это заставило подпольщиков поволноваться... Наконец, появились. Пришли Вера Романович, Сорокоумов с женой Надеждой Денисовной и сыном, и Мышкин с женой. Сакович вывел их из Бобруйска и доставил на конспиративную квартиру Баглая. А ещё через день хирурги были в отряде Храпко.

Два хирурга, да ещё с медикаментами и наборами хирургических инструментов! – о такой удаче партизанский командир даже и не мечтал.

## РАЗГРОМ ГАРНИЗОНА В ПРОТАСАХ

Проведенные партизанами операции заставили оккупантов отказаться от попыток окружить и уничтожить «бандитов». Не по зубам! Выход нашли они в том, что отгородились укреп-

лениями и гарнизонами. Оттуда и устраивали свои карательные вылазки против партизан и населения.

Комбриг Коновалов предложил двум соседним бригадам, Ливенцева и Павловского, совместными усилиями трёх бригад разбить сильно укрепленный гарнизон в Протасах.

Большое село Протасы (Октябрьский район) стоит на открытом месте, как на ладони. А в километре со всех сторон простирется сосновый лес и густой кустарник. Несколько в стороне от села – гарнизон из более, чем батальона немцев и нескольких десятков полицаев, не уступавших своим хозяевам в садизме.

Гарнизон был опоясан двумя линиями траншей, плотно насыщенными огневыми точками. Кроме того, вокруг строений, где размещался личный состав, были отрыты окопы, установлены проволочные заграждения.

Туда и должны были пойти бригады.

Общее руководство объединенными силами трёх бригад (Коновалова, Ливенцева и Павловского) было возложено на комбрига Коновалова.

Вечером 26 апреля на станции Ратмировичи сконцентрировались крупные силы партизан. Отсюда они и направились к Протасам. К рассвету были в заданном районе. Выставили усиленные заслоны со стороны гарнизонов Брожи, Парич и Качай-Болота, и стали ждать сигнала к наступлению.

Командный пункт Коновалова вместе с пушками и минометами расположился на центральном участке обороны врага.

Как только первые лучи солнца упали на землю, оружейный выстрел – сигнал к наступлению – сотряс воздух.

Несколько сотен партизан вышли из лесу и цепь за цепью пошли в наступление.

Отряды бригады Коновалова наступали на центральном участке обороны противника, там, у кладбища, – дзот.

Бригада Ливенцева наступала справа, бригада Павловского – слева.

– Быстрее, ребята, быстрее!

Хотелось как можно быстрее, одним рывком, преодолеть зону огня и войти в соприкосновение с противником – тогда будет меньше потерь.

И тут же послышалась немецкая команда:

– Файер! (Огонь!)

Встреченная пулемётно-автоматным огнем противника, первая атака партизан захлебнулась.

Коновалов, оценив обстановку, приказал артиллеристам и минометчикам не жалеть снарядов, сосредоточить огонь по вражеским укреплениям. И вскоре над сооружениями полевой фортификации противника поднялись языки пламени.

Огонь неприятеля ослабел.

Политруки рот, эти ротные комиссары, первыми поднялись в атаку, повели за собой бойцов.

«Вперед! Вперед! Давай, ребята!..»

И тут застрочил дзот со стороны кладбища. Упала Надя Стрельцова, схватился за плечо и стал медленно оседать на землю Ничипор Никитко, ещё несколько бойцов не поднимали головы от земли...

Фельдшер Анна Митрофановна Адамович по-пластунски поползла через лесочек на открытое поле, к дзоту. Пули ей навстречу – облетают, не трогают, вот только свистят страшно. Прислонилась к толстой сосне – передохнуть, и тут слышит впереди крик: ранен Володя Пархимчик.

Адамович ползёт к парню, но её остановил врач Сорокумов: «Будьте на месте», – сам пополз...

Залегли партизаны.

Дзот, который только что непрерывно поливал свинцовым дождём партизан, вдруг стих. Бойцы уже приподнялись, чтобы сделать рывок, как пулемёт снова застрочил.

К дзоту с гранатой в руке пополз Максим Болбас. Полз быстро, как ящерица. Вот он уже вне зоны огня! Ползёт по ложбинке, тянущейся к одинокой березке, что правее дзота метров на пятнадцать.

За Максимом потянулся Семён Герасимов. Только приблизились к берёзке, дзот опять умолк.

– Семён, он там заряжает новую ленту! – крикнул товарищу Максим.

И оба, не стовариваясь, одновременно приподнялись и швырнули в амбразуру по гранате. Как только прогремели взрывы, смельчаки бросились к дзоту. Максим пробежал всего три шага, как резкая боль в пояснице вдруг свалила его наземь, желтовато-красные круги перед глазами.

Как только дзот замолк, Голодов повёл за собой взвод Митялина, Сыроквашин – взвод Кучугуры.

– Вперёд! Ура!

И увлекли за собой всю бригаду.

Порыв бойцов бригады Коновалова захватил и партизан других бригад.

«Даёшь Протасы!»

Откинув убитого пулемётчика в немецкой форме, извлекли из дзота пулемёт и стали стрелять по убегающему противнику.

У Протасов, у самой деревни, немцев и полицаев встречали огнем бойцы бригады Павловского.

Медсестра Дора Шпаковская подбежала к Максиму Болбасу. Боец был бледен, казалось, вся кровь отхлынула от лица.

Дора припала к груди Максима, уловила лёгкое дыхание... Разрезала рубашку, взглянула... «Эх, Максим! Тебя не бинтовать, а на операционный стол бы сразу!» Перевязала.

«Жарко» было на окраине села. Коновалов переместил пушку на кладбище. И вот один за другим полетели снаряды к огненным точкам противника... И враг сник.

С криком «ура!» партизаны ворвались в Протасы. Завязались уличные бои.

Григорий Кашеев, когда стрельба прекратилась, подошёл к убитому пулемётчику дзота: что-то знакомое было в лице этого немца. «Да это же полицай Илюха Сакович – из Ратмирович! Вот кто стрелял по тебе, Максим!»

После четырехчасового ожесточенного боя мощный опорный пункт гитлеровцев на подходе к партизанской зоне ликвидирован. Уничтожено около семидесяти полицаев, много ранено. Вот только, хотя обложили Протасы почти вкруговую, всё же много полицаев через брешь на стыке бригад ушли в сторону Парич.



Захвачено немало оружия, боеприпасов, а также более трёхсот голов крупного рогатого скота, который немцы приготовили для отправки в Германию. Скот вернули хозяевам. А те, в свою очередь, поделились с партизанами хлебом и солью.

## СПАСИБО ДОКТОР! СПАСИБО СЕСТРИЧКА!

Отряд Храпко вернулся в свой лагерь. Здесь ранеными занялись работники санчасти.

Кроме врачей Сорокоумова и Мышкина, уже известных по предыдущему повествованию, в санчасти трудились и средние медработники: Надежда Дятлова, Лида Сакович, Вера Романенко, Наташа из Выюниц, Дора Шпаковская («партизанка с сорок первого года», она и в сорок втором чаще всех ходила с боевыми единицами на задание – сама просилась). В качестве санитарок работали Груня Кожич, Лариса Кожич, Паша Михеева, Лена Цибульская... Если же санчасть располагалась в деревне, то к больным и раненым прикрепляли ещё и местных девушек. Перевязочный материал готовили из старого холщового белья (ходили по дворам, собирали, стирали и даже утюжили). Стерилизовали так: изготовленные бинты и салфетки помещали в специальный мешок, клали в эмалированный чугунок, ставили в печь, после топки выгребая жар. Это и спасало от заражений. Правда, первым слоем на ранах укладывали настоящие стерильные салфетки или бинты (но они ценились у медиков на вес золота).

Первым оперировали Максима Болбаса. Пуля прошла между позвоночником и почками, задев нервы и ростки спинного мозга. Сорокоумов успокоил: «Будешь, Максим, жить!»

А вот Матвея Семашко спасти не удалось – боец умер от тяжелой гангрены обеих ног.

Через день после боя умерла Надя Стрельцова: пуля через колено и бедро прошла в живот. У Нади осталась дочь полутора лет.

Похоронили Володю Пархимчика, Надю Стрельцову и Матвея Семашко во Выюницах.

В бригаде Ливенцева в том бою были ранены два человека – женщины. Бойцы шутили: хлопцы, дескать, прятались от немецких пуль по кустам, а девчата грудью их заслоняли.

После боя бойцы долго не ложатся спать. Так всегда бывает после боя: ты ещё лучше понимаешь, что такое радость жизни! Что значит поговорить с товарищем, посмеяться, попеть, послушать гармошку!

Сначала пели песни, которые любили погибшие в сегодняшнем бою товарищи. Затем перешли к «Ревела буря» и затихли вовсе, когда кто-то начал: «В темной роще густой...»

*В темной роще густой  
Партизан молодой  
Притаился в засаде с отрядом.  
Под осенним дождём  
Мы врага подождём  
И растопчем фашистского гада.  
Ни сестра, ни жена  
Нас не ждёт у окна.  
Мать родная нам стол не накроет.  
Наши семьи ушли,  
Наши хаты сожгли,  
Только ветер в развалинах воет.*

## ПЛЕНЕНИЕ ОРСИЧСКОГО ГАРНИЗОНА

После разгрома гарнизона в Протасах посыпались гарнизоны помельче: в Броже, Орсичах, Холопеничах, Березовке и Стасевке, и к июню 1943 г. были очищены подступы к Бобруйску. По всей округе дрожали «бобики».

«Ну, если Протасы не удержались... Взялись за этих вояк *наши* хлопцы...» – радовались сельчане.

Расскажу лишь о взятии одного из упомянутых полицейских гарнизонов – в Орсичах. То был не разгром, а захват, пленение, без боя(!), всей полиции гарнизона Орсич.

Вот уже три месяца, как Василий Рудько по заданию командования отряда служит в орсичской полиции. Связные регулярно передают сводки Совинформбюро, и Василий незаметно подбрасывает полицаям листовки. Из сводок парни узнают, что Красная Армия успешно наступает, и делают вывод: недалёк тот день, когда немцы будут изгнаны, и что тогда будет со мной, полицаем?!

Василий подбрасывает и листовку-подсказку:

*«Если хотите искупить свою вину перед Родиной, то, пока не поздно, переходите с оружием к партизанам».*

Начальник орсичской полиции Ткаченко в бешенстве: не верьте бандитам! Германская армия, дескать, не отступает, она лишь выравнивает линию фронта и скоро пойдет в наступление. Красная Армия будет уничтожена, а с ней и бандиты...

Рудько шёл на контакт только с теми полициями, которых хорошо знал. За прошедшие три месяца завербовал десять парней.

Командование отряда поставило Рудько и его товарищам в полиции задачу: *в ночь с 25-го на 26-е мая 1943 года уничтожить Ткаченко и его помощника, Никитко, и провести партизан в спальное помещение для захвата оружия.*

После ужина отряд вышел из лагеря в направлении станции Брожа. Не доходя до станции километра два, отряд свернул влево и в десять часов вечера подошел к бездействующей железнодорожной ветке. Рядом, на взгорке, раскинулась небольшая деревня Орсичи.

На случай, если к противнику будет подходить подкрепление, два взвода вышли к дорогам Орсичи-Брожа и Орсичи-Язвинцы. Остальные залегли за насыпью – сюда должен подойти Рудько и доложить обстановку.

...Храпко учитывал горький опыт Шваякова. Разведчики Шваякова договорились с Харченко, начальником полицейского гарнизона деревни Продвино, о переходе его гарнизона на сторону партизан. Для проведения операции 28 марта 1943 Шваяков отправил взвод под командованием лейтенанта Дмитрия Змея. Но, оказалось, Харченко и не думал переходить – а вызвал полицию из деревни Королева Слобода, и та у деревни Глебова Рудня устроила засаду. Погибли несколько бойцов и сам командир взвода.<sup>9</sup>

Деревня ещё не спала: в окнах горел свет, где-то стукнула калитка, где-то пролаяла собака. Слышались мужские голоса: наверное, полицаи пастают по хатам – самогон ищут.

---

<sup>9</sup> Было и продолжение этой истории. Начальник продвинской полиции Харченко взял документы убитого лейтенанта Д. Змея и, когда Беларусь освободили, по ним служил в Красной Армии, даже получил звание капитана. Но однажды хамелсон был опознан односельчанином, и был осужден военным трибуналом.

Уже час ночи, а Рудько не появляется. Почему?

Неужели операция провалилась?

Храпко решил больше не ждать Рудько, а тут же приступить к разгрому гарнизона. Посоветовался с Голодовым и Сырквашиным, но те не поддержали командира, а предложили подождать до рассвета, когда у полицаев будет самый крепкий сон, и только тогда, если Рудько так и не выйдет на связь, нанести внезапный удар... Ибо, не зная, что там, внутри гарнизона, сейчас происходит, можно встретить сильное сопротивление полицаев и понести большие потери.

Почему Василий Рудько не появился в назначенное время на месте встречи?

Случилось непредвиденное: под вечер к Василию домой заявились сам «господин начальник полиции» Ткаченко и его помощник Петр Никитко. Ввалились, поставили две бутылки самогона и потребовали закуску.

Изрядно выпивший Никитко ушёл в казарму, а Ткаченко продолжал малыми дозами лакать самогон и болтать всякую чепуху. Сам Рудько разными уловками устранился от употребления самогона: ему в его положении сегодня этого делать никак нельзя.

Скоро рассвет, а Ткаченко всё ещё пьёт да закусьвает. Наконец, пошатываясь, «господин начальник полиции» встал из-за стола и потребовал, чтобы Рудько проводил его до казармы.

Рудько подошел к Ткаченко, обнял за талию. Вышли во двор. Темно. Плетутся по середине улицы.

Подобрав удобный момент, Рудько извлекает из кобуры Ткаченко пистолет и стреляет...

Часовые гарнизона слышали выстрел. Но часто стреляли их же товарищи на попойках или с похмелья, так что и этому одиночному выстрелу не придали значения.

Рудько стянул труп начальника полиции с дороги в канаву. И в этот момент услышал топот сапог и голоса...

Уф! Это парни из подпольной группы Василия в полиции.

Через несколько минут Василий Рудько с товарищами подошли к насыпи железной дороги, где затаилась основная группа отряда. Василий доложил Храпко обстановку.

Теперь предстояло действовать партизанам: бесшумно снять двенадцать часовых-полицаев. Особо осторожно требо-

валось снять тех часовых, кто усердно служил гитлеровцам: один из них стоял у казармы, другой – у сарая, что был близко к лесу, третий – на мостике, перекинутом через канаву.

Для выполнения этой задачи ранее была создана особая группа захвата.

К мостику направились Пётр Губарев из группы Рудько и Иосиф Тасминский. В предрассветных сумерках они осторожно подоברались к мостику, залегли.

Часового не видно. Где же он? И вдруг вблизи загремели шаги. Часовой, громко ступая по деревянному настилу, шагал прямо на засаду. Остановился... Развернулся...

Одним броском Тасминский достиг часового и рукояткой нагана нанёс удар по голове, и тот как сноп упал на настил. Губарев подскочил к упавшему, из рук выхватил винтовку, из кармана – гранату.

Полицай пришёл в себя, спросил:

– Кто вы?..

– Партизаны, – ответил Тасминский. – Вставай!

– И ты партизан?! – удивлённо спросил полицай Губарева.

– И я!.. Пошли! Некогда нам с тобой лясы точить.

На окраине деревни возле сарая ходил взад и вперед часовой-верзила. Распластавшись на земле, Шуев, Платоненко и Иван Макейчик несколько минут разглядывали фигуру.

Дождавшись удобного момента – часовой прислонил винтовку к стене сарая и стал скручивать сигару, – партизаны подползли ближе.

Часовой никак не может прикурить: спички гасли от ветра. Прикрывая огонёк ладонями, склонился, прикуривает...

Платоненко грудью сшиб часового. Оба тяжело упали. Шуев и Макейчик навалились сверху на полицая, но тот легко сбросил партизан с себя. Платоненко вскочил на ноги и направил на полицая пистолет... Связали.

Часового у казармы «снимали» Василий Рудько, Василий Щербич и Виктор Пелагейко.

Первым идёт Рудько.

– Стой! Кто идет? Пароль!

Рудько называет.

– Чего так задержались? Где были? – спросил часовой.

– Где были, там уже нас нет.

Часовой пытается разглядеть тех, кто следует за Рудько, но тщетно. Щербич вырвал из рук полиция винтовку. Пелагейко обхватил обеими руками полиция за шею и крепко сжал...

Остальные посты снимались так. Подходит в предрассветных сумерках к часовому пять человек, один за другим. Впереди Василий Рудько, он называет пароль, подходит поближе, объявляет: «Мы – партизаны! Сдать винтовку! Становись в строй».

И тот – с радостью (!) – становился. Для многих «полицаев» это был долгожданный момент. Ну, а тому, кто дёрнулся, – показывали кулак, давали «пригласительные» удары прикладом винтовки, ставили в строй, и он, «как миленький», шёл в составе «смены» к следующему посту. Шёл и размышлял о переменчивости судьбы.

Наступил заключительный этап операции: взятие казармы.

Группа, что ранее была в засаде за насыпью, окружила казарму, и несколько человек вошли в помещение.

За столом, склонив голову, дремал дневальный. На нарах крепким предутренним сном спали остальные полиция. В углу стояла пирамида с винтовками.

Сыроквашин подошёл к дневальному. Тот приподнял голову, увидел направленный на себя пистолет...

Партизаны бесшумно выносят винтовки на улицу.

Помощник начальника полиции Пётр Никитко отдыхал в отдельной комнате – лежал на железной кровати и задавал «храпака».

Евгений Леонов и Иван Добровольский уже здесь. Леонов бесцеремонно толкнул полиция:

– Господин начальник, вставайте!

– Пошёл ты... – выругался тот, поворачиваясь на другой бок.

– Вставайте! Приехали!

– Куда?

– Как куда? В рай! Если грехов нет...

Никитко открыл глаза, увидел на Леонове немецкий мундир, быстро вскочил, вытянулся.

– Виноват, господин офицер.

– То-то! Давай, пошевеливайся!

И тут Никитко сообразил, *кто* (!) перед ним – рванулся к подушке за пистолетом. Леонов ребром ладони рубанул полиция по шее...

Резко прозвучал голос Сыроквашина:

– Руки вверх, бобики!

Сонные полиция вскакивают и, видя перед собой партизан с оружием наизготовку, поднимают руки...

В итоге, в эту ночь отряд, не потеряв ни одного бойца, пленил 70 полицейских и взял трофеи: 67 винтовок, 4 пулемёта, 1 миномёт и боеприпасы к ним.

37 молодых парней из орсичской полиции, которые только и ждали этого момента, влились в партизанские отряды бригады. Остальные, из-за преклонного возраста, были распущены по домам.<sup>10</sup>

\*

Каждый новый гарнизон (Язвеничи, Лоси, Никитки...) громили (чаще по наводке связных) в разное время суток: ночью, на рассвете, под вечер... Полиция не знали, когда ждать партизан, когда бояться...

Ворвались хлопцы в Лоси, а там – никого. Даже растерялись: не ловушка ли? Оказалось, что лосевские вояки и ночевали, и дневали... в жите.

В отрядных землянках сидят, сбившись как овцы в жару, несколько десятков полицейских, ждут своей участи... Полицейских из Протасов не оставили в живых – ни одного! Да и из этих, свеженьких, что стоят в стороне – мало кого оставят...

В одежде партизан можно отметить изменения: зелёная немецкая куртка, немецкие сапоги. А пленные полиция одеждой становятся все более похожими на партизан: у них вместо сапог партизанские «постолы» (лапти из сырмятины).



---

<sup>10</sup> Как позже стало известно, некоторых из «отпущенных» немцы сами расстреляли: «за то, что плохо несли службу и отдали «бандитам» оружие».